

Если ваш студент — иностранец

Изучение русского языка — занятие для сильных духом, а изучение философии на русском языке — настоящее испытание. Что делать, если в родном языке нет слов-аналогов или даже синонимов для таких слов, как «бытие», «юрродство», «тоска», сартровская «тошнота», набоковская «пошлость», «надрыв» Достоевского и т.д.? Для преподавателя философии в иноязычной аудитории ответ очевиден: находиться в пределах изучаемого и философски, и филологически одновременно, или, если в терминах А.Ф. Лосева, работать с философски-филологически осмысляемым словом. Что же первостепенно? Изучение русского языка на философском материале или же изучение (если не сказать «угадывание») философии на русском языке? Преподаватель ждет от аудитории импровизации, свободы мысли и выражения собственных идей, но иногда тиски неродного языка сдавливают живую мысль до «вы хорошая, но я не могу сказать, мне трудно» (цит. студента).

Как говорил американский философ-трансценденталист Р.У. Эмерсон, «под каждой глубиной открывается глубина еще большая». А вот какая пропасть глубже — мир философии, язык философии или русский язык — зависит от уровня владения русским языком.

Наверное, моим студентам повезло, что, имея философское образование, я получила дополнительную квалификацию преподавателя русского языка как иностранного (далее — РКИ). Я не могу забыть, что должна не только развивать у студентов способность к философскому мышлению, но и нести знание русского языка. Наивно было бы предполагать, что за семестр занятий по непрофильной дисциплине на неродном языке в полной мере сформируются навыки сознатель-

ного философствования.

Мой курс «История философии» является базовым для иностранных студентов-магистров 1-го года обучения и бакалавров 4-го года обучения (гуманитарный профиль). Их уровень владения языком в системе сертификационных уровней ТРКИ/TORFL (тестирование по русскому языку как иностранному / Test of Russian as a Foreign Language) можно оценить как начально-средний (ТБУ-ТРКИ-1 / Intermediate-Intermediate-High). Это означает, что мои студенты (из Китая, Южной Кореи, Японии, Турции, США, Италии, Греции, Таиланда, ОАЭ и т.д.) могут удовлетворить свои коммуникативные потребности в ограниченном числе ситуаций бытовой, учебной и профессиональной сфер общения. Такое скупое описание из государственного образовательного стандарта по РКИ почти ничего не говорит о русском языке моих студентов. Поэтому я приведу иллюстрации — реальные ответы студентов (орфография и синтаксис преимущественно сохранены) только на один вопрос: зачем нужна философия?

«Я думаю, что философия — это потрясающая. Нам нужна философия, потому что философия позволяет нам лучше признать реальность и сделать рациональный выбор. И может сделать нас мудрость» (Пи Цзятун, 4 курс, 492 группа).

«Чтобы найти истину; чтобы формироваться мировоззрение; чтобы учить мудрость; чтобы принимать решения вернее» (Ван Тин, 4 курс, 491 группа).

«Философия помогает человек понимание мира. Разный человек будет разный познание» (Шэнь Бинь, 4 курс, 492 группа).

«Нам нужна философия, потому что философия делает нас мудрыми. Не будем бояться будущего и боли, найдем направление жизни в нашем мышлении» (Го Явэнь, 4 курс, 492 группа).

«Люди живут, нужны любовь и мудрость. Если их нет, не может существовать мир. Поэтому философия не нужна, она сама появляется» (Пак Миги, 4 курс, 491 группа).

«Во-первых, чтобы понимать другого человека, нужна философия. Во-вторых, чтобы общаться с другими людьми развивать свое сознание. Но думаю, что не нужна в жизни, потому что после родиться мы каждый день учимся философию естественно» (Чае Хисун, 4 курс, 491 группа).

Готовясь к занятиям, я придерживаюсь трех базовых принципов:

1) Язык философии, являясь языком гуманитарного профиля, имеет собственную грамматическую структуру, свои стилистические свойства, подчиненные коммуникативной и прагматической функциям текста.

2) Особый терминологический аппарат, философские категории и устойчивые выражения, обладая предельной «широтой», могут экстраполироваться на все явления действительности изучаемого иностранцами языка.

3) Тексты учебников, аудиолекции и прочие материалы по философии необходимо адаптировать для иностранных учащихся и снабжать упражнениями, которые бы способствовали преодолению языковых трудностей и усвоению лексики.

Читатели ФК вряд ли представляют, как проходит пара по философии у иностранных студентов, с которыми мы встречаемся лишь раз в неделю на стандартные полтора часа. Читать лекции? Всегда семинары? Следуя аристотелевскому срединному пути, я решила совмещать в одном занятии и лекцию (около 25–30 минут), и практический разбор материала. Это полезно с точки зрения изучения иностранного языка, когда происходит взаимодействие нескольких видов речевой деятельности: говорения, аудирования, чтения и

письма.

Рассмотрим для примера модель одного из практических занятий, посвященных идеальному миру Платона. Для начала нужно подготовить студентов к восприятию новой лексики и грамматических конструкций, которые будут встречаться в текстах. Отсюда следует, что текст заранее отбирается и адаптируется под нужный уровень. В чем заключается адаптация? Во-первых, в грамматической трансформации предложений, их редукции, замене лексических единиц на синонимичные и т.п. К примеру, предложение «Сократом было предложено вообразить мир, в котором все иллюзорное следует воспринимать как реальное» меняем на «Сократ предлагает представить мир, где иллюзия воспринимается как реальность». Главное — сохранить смысл и максимально упростить, чтобы за дебрями русского языка не упустить важную мысль философа.

Предтекстовый этап начинается с выявления фоновых знаний в области русского языка и философии (что уже знаем и умеем) — это помогает студентам увериться в мысли, что они не стоят на месте, многое уже знают. Это является мотивирующим фактором. На нашем занятии такими заданиями могут быть рассуждения о значении выражения «вечная проблема» (или «вечный вопрос»), которое затем встретится в тексте. Можно предложить даже список таких вопросов, составленный по пройденным темам, и попросить студента самостоятельно дополнить его после предъявления нового материала. Кроме того, можно вспомнить ранее изученные философские понятия, которые всплывут в тексте, и пройти на их примере новую словообразовательную модель (например, антонимичные пары с приставкой не: вещественный — невещественный) или освежить в памяти грамматическую модель (образование страдательных причастий настоящего времени: воспринимать — воспринимаемое, созерцать — созерцаемое). Можно также обратиться к языковой догадке: попросить студентов предположить, аллегорией чего будет являться пещера.

После этого уже предъявляется новый материал и сама лекция — стандартный набор заданий для изучающих иностранный язык: познакомиться с новы-

ми словами (по облаку слов, используя философский словарь, по контексту и т.п.), прослушать лекцию, дополнить предложения, продолжить высказывания, найти лишнее слово в цепочке (например, видимое — кажущееся — объективное — воспринимаемое — ощущаемое — субъективное), заполнить таблицу, найти соответствия в столбцах, нарисовать то, о чем слушали лекцию или дополнительно читали (в нашем случае, конечно же, платоновскую пещеру с узниками), редуцировать текст, выразить главную мысль текста (звучащего или письменного) своими словами, разделить материал на структурные компоненты, выделить в тексте основное содержание и игнорировать несущественные детали и все в таком духе.

Послетекстовая работа полностью направлена на проверку усвоенного материала: научился ли студент выделять наиболее существенную информацию в тексте, формулировать основные понятия по теме; овладел ли он новыми философскими терминами; может ли отвечать на вопросы и самостоятельно формулировать их? Это — то самое время, те минуты, которые условно можно назвать семинарским занятием. Здесь студенты могут рассуждать, критически осмысливать информацию, выражать свое отношение к материалу, идеям философа. К примеру, можно предъявить изображения различных предметов и объектов — от перца чили до человека, спросить, какие идеи могут лежать в основе существования этих объектов.

И завершается занятие творческим домашним заданием: например, на ежегодном фестивале науки надо рассказать во время мастер-класса «Философия для детей» об аллегории пещеры Платона. Поскольку слушателями станут маленькие любители мудрости, надо использовать в своем выступлении небольшой мультфильм, а также комиксы, предварительно подписав баблы. Кто, как не дети, умеет задавать около- и прямо философские вопросы, которые иностранцам предстоит понять и на которые им нужно будет ответить на русском языке. В таком задании налицо все слагаемые ораторского искусства (триада «оратор — речь — аудитория»), которые образуют системное единство. Надо сказать, что публично представить свой «почти фило-

софский» проект, преодолевая затруднения в понимании иностранного языка, — это уже античное «технэ», то есть осмысленная, целесообразная деятельность.

Моя специфическая аудитория научила меня объяснять смысл сложных понятий буквально на пальцах, создавать картинно-ситуативные словари философских терминов. Я освоила такой нестандартный предмет, как «философия в картинках»; я знаю, как нарисовать трансцендентность и трансцендентальность, как с помощью Instagram рассказать учение Фихте о «Я и не-Я», как простым языком объяснить на карикатурных кошках (коты невероятно эффективны в обучении!) термины от люстрации до бессознательного. Надо сказать, что сам русский язык иногда помогает в изучении философии. К примеру, объяснить, что же Кьеркегор понимал под частным, индивидуальным, конкретным, единичным существованием позволяет наличие супплетивных форм таких слов, как «человек» — «люди». Сами формы одного и того же слова, образованные от разных корней или основ, говорят, что есть разница между реальностью каждого отдельного «человека» и толпы («людьми»): существовать может только первый, конкретный, а «человек вообще» (= «люди») никак конкретно не выглядит, нигде конкретно не живет и т.д., то есть реально существующих «людей» нет. Безусловно, я боюсь неодобрения и косых взглядов коллег, мол, это не университетский уровень, но ведь и аудитория по своему уровню владения языком не дотягивает до чтения и обсуждения текстов Т. Нагеля, Ж. Делёза и Аристотеля.

В заключение хочу выразить надежду, что в скором времени появится больше учебных пособий, полностью или частично посвященных философии и языку философии для иностранцев, что преподаватели будут готовы читать лекции, подготовленные для данной целевой аудитории, а не просто упрощать синтаксис и грамматические конструкции в материалах для русскоязычных студентов — только так можно вызывать и поддерживать интерес к философии и философским проблемам.

Татьяна Обухова